

RU

Поэма Асана Чергеева «Послушай, о чем говорит покойник!». История публикации, реакция властей

Керимов И. А., Гуменюк В. И.

Аннотация. Цель исследования – раскрыть драматические обстоятельства, связанные с публикацией в 1909 г. и попыткой распространения поэмы «Послушай, о чем говорит покойник!», первого значительного произведения Асана Чергеева, классика крымскотатарской литературы первой половины XX века. Главный герой и рассказчик в этой поэме – давно умерший почтенный крымский татарин, который внезапно оживает и, странствуя по родной земле, все более и более удручается увиденными картинами упадка и нищеты своего народа, разрушения культурного наследия, утраты национальной идентичности. Он предпочитает смерть такой жизни и возвращается в могилу. Таким образом автор выражает протест против царской политики угнетения, призывая к единству народа и просвещению. Научная новизна исследования состоит в том, что здесь представлены ранее не известные детали, выявленные из архивных документов, включая рапорты, протоколы допросов и переписку царских цензурных органов, что позволяет уточнить хронологию событий и контекст уголовного дела, возбужденного против А. Чергеева в 1912 году в условиях «столыпинской реакции». Полученные результаты показали, что почти через три года после публикации поэмы ее автор подвергся настойчивому вниманию властей. Рассмотренные материалы дали возможность проследить этапы преследования писателя, а также издателя, включая конфискацию тиража, обыски и допросы. Особое внимание уделено попыткам А. Чергеева смягчить свою вину. Поэма, несмотря на фантастический характер, была воспринята властями как антиправительственная прокламация, что привело к тюремному заключению А. Чергеева, прерванному амнистией 1913 года по случаю 300-летия дома Романовых.

EN

The poem by Asan Chergeev “Listen to What the Dead Man Says!”. History of publication, reaction of authorities

I. A. Kerimov, V. I. Humeniuk

Abstract. The purpose of this study is to reveal the dramatic circumstances associated with the publication in 1909 and an attempt to distribute the poem “Listen to What the Dead Man Says!”, the first significant work of Asan Chergeev, a classic of Crimean Tatar literature of the first half of the 20th century. A long-dead venerable Crimean Tatar is the main character and at the same time the narrator in this poem. He suddenly comes to life and, wandering around his native land, becomes more and more depressed by the pictures he sees of the decline and poverty of his people, the destruction of cultural heritage, and the loss of national identity. He prefers death to such a life and returns to the grave. In this way, the author expresses protest against the tsarist policy of oppression, calling for the unity of the people and education. The scientific novelty of the publication lies in the fact that it presents previously unknown details revealed from archival documents, including reports, interrogation protocols and correspondence of the tsarist censorship authorities, which makes it possible to clarify the chronology of events and the context of the criminal case brought against A. Chergeev in 1912 under the conditions of the “Stolypin reaction”. The obtained results showed that almost three years after the publication of the poem, its author was subjected to persistent persecution by the authorities. The examined materials made it possible to trace the stages of persecution of the writer, as well as the publisher, including confiscation of the print run, searches and interrogations. Particular attention is paid to A. Chergeev’s attempts to mitigate his guilt. The poem, despite its fantastic nature, was perceived by the authorities as an anti-government proclamation, which led to the imprisonment of A. Chergeev, interrupted by the amnesty of 1913 on the occasion of the 300th anniversary of the House of Romanov.

Введение

Актуальность изучения классического литературного наследия не вызывает сомнений. Когда речь идет о литературе крымских татар, чья духовная культура претерпела значительные лишения и ныне продолжает свое возрождение, то особая значительность соответствующих исследований существенно возрастает. Важно изучать характерные тенденции и явления разных периодов истории крымскотатарской литературы в их связи с социально-политическими процессами. Особого внимания требует в значительной степени определяющий период первого национального возрождения (конец XIX – первые десятилетия XX в.), ярким представителем которого является поэт Асан Чергеев.

Для достижения вышеупомянутой цели необходимо решить следующие задачи:

- на основе существующих материалов очертить исполненный драматизма жизненный и творческий путь А. Чергеева, во многом определенный появлением в печати его первой поэмы, а также дворянским происхождением автора;
- охарактеризовать поэму «О чем говорит покойник!», что дает возможность уяснить причины преследования властью молодого писателя;
- с помощью архивных материалов выяснить обстоятельства появления в печати поэтического произведения, проследить историю преследования автора поэмы, открытия против него уголовного дела, тюремного заключения и освобождения.

В работе используются такие методы, как биографический, социологический, культурно-исторический, дающие возможность предметно представить жизненные условия и социальный контекст возникновения и функционирования художественных явлений; также методы эстетико-филологического анализа, семантический, нарративный, герменевтический, способствующие уяснению их тематической и жанрово-стилевой специфики.

Материалом исследования являются соответствующие документы, находящиеся в Государственном архиве Республики Крым (ГАРК), а также издания произведений А. Чергеева (1908; 1917; 1920; 1928а; 1928б; 1928с; 2009), в частности, сравнительно недавно обнаруженный единственный на сегодняшний день книжный экземпляр его первой поэмы, напечатанный в 1909 году.

Теоретической базой исследования послужили работы, в которых подчеркивается существенное развитие в литературоведении XX века и в последующее время традиционного биографического метода, в частности в аспекте сложного взаимодействия таких понятий, как автор, образ автора, субъект повествования литературного произведения (Бахтин, 1986; Жирмунский, 1996; Лотман, 1999); отмечается специфика и значение изучения социально-исторических контекстов возникновения и функционирования художественных явлений (Трубина, 2018; Малинкин, 2022; Резаева, 2023); детально рассматриваются в соответствующих контекстах тенденции развития крымскотатарской литературы (Франко, 1978; Абдульвапов, 2021; 2025; Киримов, 2025).

Практическое значение работы состоит в том, что ее материалы и результаты могут быть использованы в дальнейшем изучении поэтического и драматургического творчества А. Чергеева, а также других крымскотатарских авторов, в частности, плодотворно работавших в национальной литературе на рубеже XIX-XX вв. Результаты исследования также могут быть применены в учебном и учебно-методическом процессе гуманитарных факультетов высшей школы.

Обсуждение и результаты

Асан Меметоглы Чергеев (1880-1946) – признанный классик крымскотатарской литературы конца XIX – первых десятилетий XX столетия периода возрождения национальной культуры, начало которого связано с появлением в 1883 году первой и долгое время единственной в России тюркской газеты «Переводчик-Терджиман», редактируемой выдающимся просветителем и писателем Исмаилом Гаспринским, а угасание и окончательный закат – с тоталитарными репрессиями 1930-х годов, последующими военными событиями и жестокой депортацией народа в 1944 году. Роль А. Чергеева в поисках новых путей развития национальной художественного слова, в частности, в приближении литературного письма к народной и даже простонародной речи, притом в стремлении к современной символизации реалистических и натуралистических деталей, отметили авторы первых появившихся в XX веке обстоятельных аналитических работ, посвященных изучению истории крымскотатарской литературы (Лятифзаде, 1928; Кримский, 1930; 2003).

Историк Ибраим Абдуллаев (1997) на основе архивных документов проследил родословную А. Чергеева, принадлежавшего к знатному роду крымских мурз, признанному в царской России дворянским сословием. Родился А. Чергеев в семье потомственного дворянина, помещика Мемет-бея в степном селении Ачикеч, был старшим из его четырех сыновей. Существенные факты и события жизненного и творческого пути писателя рассмотрены в монографиях, статьях одного из авторов настоящей публикации (Керим, 1998, с. 94-100; 2018, с. 134-154; Киримов, 1999, с. 199-200), в ряде иных работ (Музафаров, 1995, с. 785-786; Юнусова, 2002, с. 187-191; Kirimov, 2017, с. 82-95; Абибуллаева, 2019, с. 210-212). В 1892-1899 гг. А. Чергеев учится в Симферопольской татарской учительской школе. После ее окончания учителем в родном селении, становится членом земской управы. В 1909 г. переезжает в Симферополь, где также работает школьным учителем. В этом же году в Джанкое выходит отдельным изданием написанная ранее (1906) его первая поэма, о которой власти осведомляются несколько позже, вследствие чего автора в 1912 г. заключают в тюрьму, откуда ему вскоре по счастливой

случайности удается выйти. С начала Первой мировой войны до 1921 г. А. Чергеев пребывает на военной службе. В 1920-х годах продолжает любимую педагогическую работу, а также активно занимается литературным творчеством. В 1930 г. его арестовывает новая власть, теперь уже счастливых случайностей не происходит. Его осуждают на пять лет лагерей, откуда ему все же удается вернуться на некоторое время в родной Крым. А далее – депортация, вследствие которой писатель попадает на Урал, где в тяжелых условиях работает на лесоповале. В 1946 г. братья добиваются для А. Чергеева разрешения переезда к ним в г. Андижан. По дороге в Узбекистан он сильно простужается в поезде, по приезде попадает в местную больницу, где вскоре умирает. Р. Музафаров отмечает, что А. Чергеев является «основоположником новой крымскотатарской поэзии демократического направления, а также зачинателем советской крымскотатарской детской литературы <...> Его литературное наследие, – продолжает исследователь, – огромно: оно насчитывает около 30 пьес и поэм, 15 сборников» (1995, с. 785). Книги поэта редко печатались при его жизни и в последующие десятилетия. В связи с трагическими жизненными обстоятельствами до нас дошла относительно небольшая часть его произведений (см. материалы исследования).

Многие очерченные исследователями биографические данные еще требуют уточнения, детализации, более пристального уяснения и изучения. Это касается, в частности, истории публикации и функционирования в общественной и культурной жизни поэмы «Эшит, мевта не севлеюр!» («Послушай, о чем говорит покойник!»), которой автор громко заявил о своем вхождении в национальную литературу. В настоящее время благодаря расширению источниковой базы и вновь выявленным архивным материалам представляется возможным дополнить и углубить соответствующие сведения.

Поэма довольно детально, хотя далеко не исчерпывающе, рассмотрена в указанных выше монографиях А. Керимова. Также проанализирована в монографии Таира Киримова, который отмечает, что «строки поэмы простотой языка и размером сближаются с народным языком», что в поэме, как и в лирике автора, «важное место уделяется мотивам смерти и разлуки, старости и безысходности, раненой птицы и клетки», мотивам, отражающим судьбу поэта (2025, с. 19, 24).

Обратим внимание на характерные семантические и образно-композиционные черты этого поэтического произведения. В лунную ночь на заброшенном кладбище, окруженном скалами, просыпается покойник, почтенный Омер. С трудом выбирается, и едва ли не первое, что бросается ему в глаза, это колючие сорняки над головой и стертая табличка на надгробии, на которой уже невозможно прочесть его имя. Эти образные детали, знаки беспамятства, запустения и разрухи, служат своеобразным камертоном грустного звучания дальнейшего лирико-эпического повествования. Странствуя по родной земле, ее бывший обитатель ужасается открывающимся его взору неприглядным картинам. И царская власть, и всячески угождающие ей бывшие мурзы, а теперь услужливые дворяне, угнетают простой народ, доводят его до крайней нищеты, вытесняя с родной земли. Обездоленный, к тому же в значительной степени одурманенный фанатическими клерикалами народ все более деградирует, не стремится к просвещению и науке. Особую тревогу автора вызывает утрата им своих национальных особенностей и традиций. Это проявляется в мелочах: от одежды и домашней утвари до манеры поведения и даже стрижки волос. По словам Омера-эфенди, крымскотатарская идентичность почти исчезла, и ее присутствие едва ощутимо. Вследствие всего этого глубоко опечаленный, безутешный персонаж приходит к мысли о том, что смерть предпочтительнее такой жизни. Он возвращается в свою могилу и, прежде чем снова умереть, долго плачет.

Осенью 1909 года А. Чергеев, являвшийся членом земской управы Перекопского уезда, прибыл в Джанкой, где посетил частную типографию, принадлежавшую 45-летнему Менделю Израилевичу Абкину. К тому времени М. И. Абкин владел двумя типографиями: одна функционировала в Ор-Капу (Перекопе) с 1901 года, другая начала работу в Джанкое в сентябре 1909 года. На встречу А. Чергеев принес стопку бумаги. На листах кириллическим шрифтом на пишущей машинке было напечатано произведение на крымскотатарском языке под названием «Эшит, мевта не севлеюр!» («Послушай, о чем говорит покойник!») (ГАРК, ф. 26, оп. 3, д. 743).

А. Чергеев заключил договор с владельцем типографии М. И. Абкиным, заплатив 25 рублей, с просьбой срочно напечатать 500 экземпляров данного произведения. Согласно показаниям Абкина, которые позднее он дал исправнику Перекопского уезда Агнивцеву, ни он, ни его сотрудники не владели крымскотатарским языком, в связи с чем он осведомился у Чергеева о содержании текста. Чергеев пояснил, что произведение носит фантастический характер и повествует о человеке, который, давно умерев, оживает и становится свидетелем значительных изменений в Крыму, а также бедственного положения и нищеты крымских татар.

Получив отпечатанную осенью 1909 года поэму, Чергеев приступил к ее распространению среди населения, что было сходно с распространением агитационных листовок или прокламаций. Первое сообщение о поэме А. Чергеева поступило в жандармское управление 2 февраля 1911 года от городского Дузова, служившего в Бахчисарае. В этот день Дузов направил рапорт бахчисарайскому полицмейстеру следующего содержания: «В кофейне “Чатыр-Даг”, принадлежащей Эмиралю Каишеву, ранее высланному учителю (находящемуся в Бахчисарае), ведутся тайные дела. По имеющимся у меня сведениям, в этих тайных делах участвуют бывший секретарь городской управы С. Хаттатов, директор сиротского суда У. Балджи и городской голова С. Крымтаев. Кроме того, предлагаю обратить внимание на прокламацию “Эшит, мевта не севлеюр!”, принадлежащую партии “Молодые татары”. Автор подписался как “Неизвестный” (или “Инкогнито”))» (ГАРК, ф. 706, оп. 2, д. 35, л. 11).

Вскоре было установлено, кто скрывался под псевдонимом «Неизвестный», и начался сбор сведений об А. Чергееве. 10 августа 1911 года ротмистр Леус сообщил начальнику Севастопольской охраны следующее: «По данным агентуры, о которой я упоминал в связи с партией «панисламистов», выяснилось следующее. Чергеев Асан-бей Меметович, 30 лет, принадлежит к дворянскому сословию, не женат, сын землевладельца.

Проживает вместе с отцом в Симферополе в собственном доме по улице имени графа Толстого, № 14. Его отец владеет ханским хозяйством в Зуйской волости Симферопольского уезда, куда вся семья выехала 28 июня» (ГАРК, ф. 706, оп. 2, д. 35, л. 519). Следует отметить, что, несмотря на сообщение Севастопольской охранки от 10 августа 1911 года, Главное управление по делам печати Министерства внутренних дел лишь 7 марта 1912 года обратилось к Таврическому губернатору с просьбой уточнить имя, фамилию и отчество автора поэмы (ГАРК, ф. 26, оп. 3, д. 743, л. 179).

Царская охранка собирала сведения об А. Чергееве и его поэме, предпринимались попытки найти основания для привлечения к ответственности автора, а также для конфискации самого издания. 14 ноября 1911 года в Одесский цензурный комитет от неустановленного подполковника охранки было направлено письмо с приложением: «Направляю поэму на татарском языке “Услышь, о чем говорит покойник”, которая, по имеющимся данным, носит антиправительственный и агитационный характер. Прошу сообщить, разрешено ли ее распространение среди населения» (ГАРК, ф. 706, оп. 2, д. 35, л. 643). В ответ Одесский цензурный комитет уведомил Жандармское управление Таврической губернии, что согласно решению от 24 ноября 1911 года поэма «Эшит, мевта не севлеюр!» конфискуется, а в отношении лиц, причастных к ее изданию, должно быть возбуждено уголовное дело на основании статьи 129 (пункт 6) Уголовного уложения. Также было указано, что в связи с непредоставлением брошюры в Цензурный комитет против издателя М. И. Абкина следует возбудить дело о совершении преступления (ГАРК, ф. 706, оп. 2, д. 35, л. 657).

Параллельно поэма А. Чергеева была направлена для перевода в различные инстанции, что объяснялось определенным недоверием царской цензуры к собственным переводчикам. Одним из лиц, осуществлявших перевод, был инспектор по делам печати Одесского цензурного комитета И. Спафарис. После завершения работы над переводом И. Спафарис представил в комитет следующий доклад (предполагается, что документ датируется ноябрем или декабрем 1911 года, точная дата в источнике не указана): «Поэма представляет собой аллегорическое описание “живого мертвеца”. Герой произведения – татарин, скончавшийся задолго до описываемых событий. Он восстает из могилы, освобождается от савана, облачается в ветхую одежду и отправляется в странствие по крымским городам и селам, стремясь встретиться со своими соплеменниками. Однако он с горечью обнаруживает, что крымских татар осталось крайне мало. Крым предстает перед ним даже более ужасным, чем могила. Редкие встреченные им татары настолько ассимилировались, что уподобились “Иванам”: их одежда и предметы быта неотличимы от русских. Национальные черты в них почти стерлись, их присутствие едва заметно. Вакуфные земли перешли в казну, татары подверглись полному подчинению: их отправляют на службу в армию так далеко, что к моменту их возвращения дома приходят в запустение. Кладбища разрушены, а надгробные камни используются в строительстве. Все эти бедствия усугубляются нищетой и невежеством самого татарского населения. Одной из ключевых причин такого упадка автор называет мошенничество, лицемерие и невежество религиозных деятелей, которые преследуют лишь собственные интересы, дискредитируя тем самым религию. В результате живые становятся неотличимы от мертвых. Поэма предупреждает, что, если народ не сумеет объединиться и осознать свое положение, его ждет неминуемая деградация. Множество бед и унижений, постигших Крым, по мнению автора, невозможно выразить словами. Увидев это, “живой мертвец” возвращается в могилу, вновь укутывается в саван и начинает тихо плакать» (Кричинский, 1920, с. 174–175).

Согласно секретным документам охранного отделения, основным обвинением, выдвинутым против причастных к изданию лиц, являлось непредоставление брошюры в Цензурный комитет. Это обстоятельство особо акцентировалось в отношении М. И. Абкина и А. Чергеева. Стремясь смягчить свою вину, А. Чергеев, оказавшийся в крайне затруднительном положении (в том числе под давлением, оказываемым на его отца, Мемета-ага и других родственников), обратился к своему бывшему гимназическому учителю, инспектору учебных заведений Симферопольского уезда Рафаилу Гавриловичу Хасабову. Он просил Хасабова подтвердить, что брошюра якобы была передана ему сразу после печати. Однако Р. Г. Хасабов, не проявив ни сочувствия, ни порядочности, в тот же вечер, 15 января 1912 года, сразу после ухода А. Чергеева из его кабинета, составил докладную записку приставу 1-го участка Симферополя: «15 января 1912 года в 19.00 в кабинет Хасабова явился местный дворянин Асан Чергеев. В тот момент Хасабов вместе со своим секретарем, коллежским регистратором Х. П. Островским, выполнял служебные обязанности. Чергеев сообщил о полицейском обыске в его доме, связанном с поэмой “Эшит, мевта не севлеюр!”, и о том, что в ходе обыска он заявил о передаче одного экземпляра брошюры Хасабову, что было зафиксировано в протоколе. Он поинтересовался, не будет ли Хасабов возражать против этого заявления. Хасабов ответил, что не получал от Чергеева никаких поэм, не имел с ним иных контактов и знает его лишь как своего бывшего ученика Симферопольской татарской школы. Единственный экземпляр поэмы, имеющийся у него, является служебным и был передан ему в 1911 году жандармским управлением Таврической губернии для перевода на русский язык. В заключение Хасабов просил зафиксировать данное обстоятельство в протоколе и отклонить заявление Чергеева о якобы переданной им брошюре» (Кричинский, 1920, с. 176–177).

Параллельно с этим царская охранка оказывала давление как на автора брошюры А. Чергеева, так и на издателя М. И. Абкина, стремясь обнаружить основной тираж издания. 5 января 1912 года Таврический губернатор издал приказ № 205 о конфискации всего тиража данного произведения. В рамках исполнения данного приказа исправник Перекопского уезда Агнивцев 13 января 1912 года прибыл в Джанкой в сопровождении полицейского надзирателя и группы понятых. Они направились в дом М. И. Абкина. В ходе допроса издатель заявил о своей

невиновности и отрицал факт печати произведения Чергеева в своей джанкойской типографии, утверждая, что ни одного экземпляра брошюры в типографии не осталось. Обыск подтвердил отсутствие брошюр, а в книге заказов типографии не было обнаружено записей об этом издании (ГАРК, ф. 26, оп. 3, д. 743, л. 180).

Подозревая Абкина в сокрытии информации, Агнивцев в тот же день, 13 января 1912 года, направил телеграмму своему помощнику в Перекоп, приказав немедленно провести обыск в расположенной там типографии Абкина. Вечером того же дня, в 21:00, помощник Агнивцева совместно с городовым Федотом Боголюбовым произвел внезапный обыск в типографии Абкина в Перекопе. Жена Абкина сообщила, что ее мужа нет дома, а искомое произведение в данной типографии не печаталось. Обыск не принес результатов: брошюра обнаружена не была (ГАРК, ф. 26, оп. 3, д. 743, л. 181-182).

15 января 1912 года помощник пристава 1-го жандармского участка Симферополя Маслович, полицейский надзиратель и понятые, включая Федота Сушко, прибыли по месту жительства Асана Чергеева на улицу Л. Толстого, № 14. В ходе допроса Чергеев пояснил следующее: «Мое поэтическое произведение является фантастическим и предназначено для детей младшего возраста. В нем рассказывается о покойнике, который оживает, посещает своих единоверцев и, видя, что их жизнь не изменилась, возмущается и возвращается в могилу. Цель произведения – привлечь детей к знаниям и науке, чтобы они не оставались невежественными, как их предки. Никаких крамольных мыслей у меня не было. После издания брошюры мой отец упрекал меня, говоря, что я занимаюсь ненужными вещами и сказками, из-за чего надо мной будут смеяться, и советовал оставить это, сосредоточившись на земледелии. Я сжег весь тираж брошюры, за исключением 20-30 экземпляров, в печи. Это произошло в 1910 году. Оставшиеся 20-30 экземпляров я раздал уважаемым и известным людям, среди которых Фазыл Мирза Кыпчакский, проживающий в своем доме на Дворянской улице, глава старшин Кезлева, Сеид-бей Булгаков, также проживающий на Дворянской улице, Али Мирза Тайганский с Губернской улицы, инспектор учебных заведений Симферопольского уезда Рафаил Гаврилович Хасабов и другие, чьи имена я сейчас не вспомню. Поскольку я не знал, как отправить брошюру в Цензурный комитет, я попросил М. И. Абкина сделать это. Узнав от него, что 10 экземпляров были отправлены в Цензурный комитет, я раздал несколько экземпляров знакомым» (ГАРК, ф. 26, оп. 3, д. 743, л. 194-195).

В ходе обыска домовладение Чергеевых подверглось тщательному осмотру, включая служебные помещения, однако искомая поэма обнаружена не была. В тот же день, 15 января 1912 года, полицейский надзиратель Джанкоя посетил домовладение Мусы Мирзы Тайганского и произвел его допрос. В ходе допроса выяснилось, что в конце 1909 или начале 1910 года (точная дата им не уточнялась) Асан Чергеев передал ему два экземпляра поэмы «Эшит, мевта не севлеюр!». Муса Мирза Тайганский, ознакомившись с ее содержанием, не обнаружил в ней ничего предосудительного и не осуществлял ее распространения. Указанные два экземпляра были конфискованы полицейским надзирателем с составлением соответствующего протокола (ГАРК, ф. 26, оп. 3, д. 743, л. 184).

Все попытки А. Чергеева избежать судебного преследования оказались тщетными. Он был приговорен к тюремному заключению, однако в 1913 году, в связи с амнистией, объявленной по случаю 300-летия Дома Романовых, был освобожден.

Сохранившийся в архиве печатный экземпляр поэмы был впервые обнаружен в 2009 году Асаном Мурадасиловым, аспирантом кафедры крымскотатарской и турецкой литературы Крымского инженерно-педагогического университета. Он собственноручно транскрибировал текст и опубликовал его в газете «Янъы дюнъя» («Новый мир») (Чергеев, 2009). На протяжении длительного времени это поэтическое произведение было доступно только в виде нескольких фрагментов, фигурирующих как цитаты в отдельных литературно-критических и исторических материалах.

Заключение

Трагическая судьба А. Чергеева, выдающегося крымскотатарского писателя первой половины XX в., неотделима от остродраматических событий жизни его народа. Дважды арестованный и осужденный к лишению свободы сначала царскими властями, а затем тоталитарным режимом, он впоследствии погиб в тяжелых условиях депортации. Такие обстоятельства привели к тому, что поэт относительно немного своих произведений опубликовал при жизни, а значительная часть его рукописного наследия была утрачена.

Первое значительное произведение автора, поэма «Послушай, о чем говорит покойник!», многие годы оставалось известным преимущественно лишь по отдельным фрагментарным цитатам. Особое значение имеет тот факт, что единственный на сегодня экземпляр первого издания поэмы был обнаружен в архиве в 2009 г. (через сто лет после его публикации в 1909 г.). Уже в первых основательных работах, посвященных изучению крымскотатарской литературы, подчеркивается существенная роль А. Чергеева в развитии национальной поэзии, отмечается присущее его художественному стилю органическое сочетание страстной публицистичности и проникновенного лиризма. Эти черты характерны и для поэмы «О чем говорит покойник», написанной в 1906 году. В этом поэтическом произведении раскрываются неизбывные горечь и тревога автора по поводу бедственного положения крымских татар, угрозы утраты ими национальной идентичности. Образность поэмы предельно реалистическая, даже натуралистическая, но при этом она приобретает черты современной символики, чему во многом способствует фантастический сюжет о вставшем из могилы, внезапно ожившем и странствующем покойнике. Во многом инспирированная свободолобивыми идеями, связанными с революцией 1905 года, поэма в определенной степени близка к прокламациям, распространяемым в то время. Она имела значительное

влияние на формирование национального самосознания крымских татар. Воодушевленный революционными идеями, поэт все же не призывает к насильственному восстанию, не прибегает к открытому осуждению и проклятию власть имущих. Он подчеркивает необходимость единства народа для освобождения от угнетения и призывает к разумной борьбе за свои права через просвещение и знания.

Опубликовав свое поэтическое произведение почти через три года после написания и подписав его псевдонимом «Бельгисиз» («Неизвестный»), автор, по всей вероятности, если не до конца осознавал, то все же ощущал опасность своего предприятия. В 1911 году власти обратили пристальное внимание на это произведение и без особого труда установили личность автора. Поэма была напечатана в Джанкое, а непосредственным событием, привлечшим внимание, стал поступивший в жандармское управление донос о чтении и обсуждении брошюры в одном из кафе в Бахчисарае, из чего можно сделать вывод о широком ее распространении на территории Крыма. Следственные действия происходили также в Симферополе, Севастополе и Перекопе. Вряд ли соответствуют действительности объяснения поэта, пытавшегося как-то оправдаться, о том, что он якобы сжег основной тираж и успел распространить лишь несколько десятков из отпечатанных 500 экземпляров. Начиная с февраля 2011 года, власти вели тщательное расследование обстоятельств публикации и распространения поэмы, а в 1912 году начались активные действия по привлечению автора к ответственности. Анализ архивных источников, таких как рапорты жандармского управления, переписка царской охранки с Одесским цензурным комитетом, свидетельства участников событий, позволяет раскрыть обстоятельства, связанные с преследованием автора поэмы и издателя, – конфискация остатков тиража, обыски и допросы.

Фактическое выступление молодого А. Чергеева против царской власти и гнета, продиктованное искренней заботой о судьбе своего народа, представляло собой, с одной стороны, естественное явление, а с другой – акт исключительного мужества. Примечательно, что автор опубликовал данное произведение в период реакции, последовавшей за Первой русской революцией, что может свидетельствовать о его смелости в условиях крайне опасного и рискованного времени. Поэма была воспринята властями как антиправительственная прокламация, связанная с национальным движением «Младотатары», что привело к тюремному заключению писателя. Вскоре ему удалось освободиться благодаря амнистии 1913 года по случаю 300-летия Дома Романовых. К сожалению, следующий арест, предпринятый новой властью в 1930 г., закончился далеко не столь благополучно.

Выявленные архивные документы вселяют надежду на то, что дальнейшая исследовательская работа даст возможность пролить свет на многие другие малоизученные факты жизненного и творческого пути А. Чергеева, связанные, в частности, с его преследованием новыми властями, вторым арестом и последующими трагическими событиями.

Материалы исследования | Research materials

1. Государственный архив Республики Крым (ГАРК). Ф. 26.
2. ГАРК. Ф. 706.
3. Керимов И. Чергеев Асан // Деятели крымскотатарской культуры (1921-1944 гг.): биобиблиографический словарь / гл. ред. и сост. Д. П. Урсу. Симферополь: Доля, 1999.
4. Музафаров Р. Чергеев Асан Мемет оглу // Крымскотатарская энциклопедия: в 2 т. Симферополь: Ветан, 1995. Т. 2.
5. Чергеев А. (Бельгисиз). Эшит, мевта не севлеюр (Послушай, о чем говорит покойник. Поэма). Джанкой: М. И. Абкиннинъ басмаханеси, 1909.
6. Чергеев А. Йыл дёними. Балалар ичюн драма (Годичный круговорот. Драма для детей). Акъмесджит: Къырым девлет нешрияты, 1928а.
7. Чергеев А. Козьяш хан чешмеси (Ханский фонтан слез. Стихотворение) // Ватан хадины. 1908. № 21.
8. Чергеев А. Омюр-чыракъ (Жизнь-свеча. Поэма) // Ешилъ аада. 1920. № 4.
9. Чергеев А. Такъдир (Судьба. Поэма). Акъмесджит: «Миллет» газетасы нешрияты, 1917.
10. Чергеев А. Тильки ве койлю (Лисица и виноград. Сказка). Акъмесджит: Къырым девлет нешрияты, 1928б.
11. Чергеев А. Хайванлар не айта (О чем говорят животные. Стихотворения). Акъмесджит: Къырым девлет нешрияты, 1928с.
12. Чергеев А. Эшит, мевта не севлеюр // Янъы дюнъя. 2009. Декабрь 31.

Источники | References

1. Абдуллаев И. Они владели мечом и пером // Голос Крыма. 1997. № 24.
2. Абдульвапов Н. Р. Крымскотатарская литература периода Крымского Ханства // История крымских татар: в 5 т. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, 2021. Т. 3. Крымское ханство (XV-XVIII вв.).
3. Абдульвапов Н. Р. Поэтическое творчество шейха Исмета (2-я половина XVIII – начало XIX вв.) // Вопросы крымскотатарской филологии, истории и культуры. 2025. Вып. 19.
4. Абибуллаева Д. И. Жизнь и творческая деятельность Асана Чергеева – выпускника Симферопольской татарской учительской школы // Вопросы крымскотатарской филологии, истории и культуры. 2019. Вып. 7.

5. Бахтин М. М. Проблема автора // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. Изд-е 2-е. М.: Искусство, 1986.
6. Жирмунский В. М. Введение в литературоведение. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского государственного университета, 1996.
7. Керим И. А. XIX асырнынъ сонъу ве XX асырнынъ башында кырымтатар бедий сёзюмизнинъ эврими – Эволюция крымскотатарского литературного слова в конце XIX – начале XX века. Акъмесджит: Кырым-девокъувпеднешир, 1998.
8. Керим И. А. Кырымтатар эдебиятыннынъ инкишаф йллары (1850-1917 сс.) – Художественные искания в крымскотатарской литературе 1850-1917 гг. Белгород: Константа, 2018.
9. Киримов Т. Генезис и идейно-художественные традиции крымскотатарской литературы в контексте национально-демократического движения в Крыму (1917-1920): монография. Саратов: Амирит, 2025.
10. Кримський А. Література кримських татар – Кырымтатарларнынъ эдебияты – Крымскотатарская литература. Симферополь: Доля, 2003.
11. Кримський А. Література кримських татар // Студії з Криму: збірник / ред. А. Кримський. К.: Історико-філологічний відділ Всеукраїнської академії наук, Тюркологічна комісія, 1930.
12. Кричинский А. Очерки русской политики на окраинах: в 2 ч. Баку: Союз мусульманской трудовой интеллигенции, 1920. Ч. 2. К истории борьбы с просвещением и культурой крымских татар.
13. Лотман Ю. М. Текст в процессе движения: автор – аудитория – замысел – текст // Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М.: Языки русской культуры, 1999.
14. Лятифзаде А. Кырымтатар эдебиятыннынъ сонъки деври хакъкъында // Окъув ишлери. 1928. № 4-5 (24-25).
15. Малинкин А. Н. Социологический метод В. Н. Волошинова (М. М. Бахтина) (на примере книги «Марксизм и философия языка») // Социологический журнал. 2022. Т. 28. № 3.
16. Резаева Е. А. Современные задачи культурно-исторического подхода в изучении литературного процесса // Вестник научно-практической лаборатории по изучению литературного процесса XX века: сборник статей. Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 2023. Вып. 24.
17. Трубина Л. А. Диалог литературы с историей в оценке современного литературоведения // Преподаватель. 2018. № 4.
18. Франко І. Кримський хан Газі Гірей (1588-1607) і дещо з його віршів // Франко І. Зібрання творів: у 50 т. К.: Наукова думка, 1978. Т. 13.
19. Юнусова Л. С. Асан Чергеев // Крымскотатарская литература. Сборник произведений фольклора и литературы VIII-XX вв. / авт.-сост. Л. С. Юнусова. Симферополь: Доля, 2002.
20. Kirimov T. Qırımatar edebiyatı ve matbuatının ananeleri – Традиции крымскотатарской литературы и печати. Симферополь: Медиациентр им. И. Гаспринского, 2017.

Информация об авторах | Author information

RU

Керимов Исмаил Асанович¹, д. филол. н., проф.

Гуменюк Виктор Иванович², д. филол. н., проф.

^{1,2} Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова, г. Симферополь

EN

Ismail Asanovich Kerimov¹, Dr

Viktor Ivanovych Humeniuk², Dr

^{1,2} Fevzi Yakubov Crimean Engineering and Pedagogical University, Simferopol

¹ alimes@mail.ru, ² olvimy@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 28.08.2025; опубликовано online (published online): 26.09.2025.

Ключевые слова (keywords): крымскотатарская литература; Асан Чергеев; поэма «Послушай, о чем говорит покойник!»; обстоятельства публикации; преследование и заключение автора; революционная атмосфера 1905 г.; столыпинская реакция; Crimean Tatar literature; Asan Chergeev; poem “Listen to What the Dead Man Says!”; circumstances of publication; persecution and imprisonment of the author; revolutionary atmosphere of 1905; Stolypin reaction.